

№ 29 (218)
Парижъ, Суббота 13 Юли 1929 г.
Цѣна отд. № 3 фр.
по Франції.

LA RUSSIE ILLUSTRÉE.

№ 29 (218)
Samedi, 13 Juillet 1929, Paris.
Prix du numéro 3 fr.
en France.

6-й этажъ Наполея
Редакторъ: М. П. МЯСЛОВЪ
Редакция въ Гд. Конгрессъ
74, RUE DE MOSCOU, PARIS-X
Tel.: Central 32-26

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

6-ème année
Directeur M. МЯСЛОВЪ
Direction et Administration
74, RUE DE MOSCOU, PARIS-X
Tel.: Central 32-26

1904 Памяти Чехова 1929

(Къ двадцатипятилѣтію со дня его смерти)

ЧЕХОВЪ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ

Первое чтеніе „Чайки“ труппы театра. Въ группѣ: Станиславскій, Вл. И. Немировичъ-Данченко, Книпперъ-Чехова, Лужскій, Вишневскій, Артёмъ и друг.

Вагонъ для перевозки устрицъ

Очеркъ Влад. Азова для «Иллюстрированной Россіи».

Профессиональные воспоминатели заслуживают мало уваженія. Большею частью это промышленники, разрабатывающіе великаго человѣка, близкими къ которому ихъ сдѣлали обстоятельства, — или собственная навязчивость, — какъ старательный «проспекторъ» эксплуатируетъ угольное мѣсторожденіе или золотосносную жилу. Это ракушки, облѣпляющія тѣло большого корабля.

Больше всего воспоминателей ютилось, конечно, около Толстого. Онъ былъ обвить ими, какъ мощное старое дерево паразитическими жадными лианами. Они кормились имъ. Въ Москвѣ ли — въ Хамовникахъ, въ Тульской ли губерніи, въ Ясной Полянѣ, въ Крыму ли, въ Гаспрѣ, — около Толстого мошкаркой копошились воспоминатели. У каждого изъ нихъ торчала изъ кармана записная книжка и заготовленъ былъ запасъ очиненныхъ карандашей. Стило тогда еще не были распространены. И они собирали малѣйшее слово, малѣйшій жестъ, малѣйшіе поступки великаго человѣка, чтобы на завтра же превратить свою жатву въ звонкіе построчные пятаки.

Они выставляли себя какими то делегатами отъ всего народа, прикомандированными къ особѣ великаго человѣка въ качествѣ добросовѣстныхъ лѣтописцевъ. Но на самомъ то дѣлѣ они не сомнѣвались, что Толстой созданъ имъ на потребу, — для прокормленія ихъ съ женами и ребятишками, — и торговали Толстымъ оптомъ и въ розницу. Толстой терпѣлъ вокругъ себя этихъ навязчивыхъ прихвостней, какъ лошадь терпитъ извлекающихъ себѣ пропитаніе изъ отвергнутыхъ ею продуктовъ воробьевъ. Но иногда и у него, мудраго, вырывалось по адресу обвивавшихъ его паразитовъ слово сужденія.

Чеховъ прожилъ не столь долгій вѣкъ и сталъ славенъ лишь къ концу своей жизни. Его слова и жесты были товаромъ менѣе ходкимъ и не такъ легко размѣнивались на валюту. У

Передъ концомъ
Одинъ изъ послѣднихъ портретовъ А. П.,
сдѣланный въ 1904 г.

Чехова былъ ангель-хранитель, его сестра, Анна Павловна, и отваживала еще прихвостней великаго скромность Чехова, которою онъ былъ укрытъ, какъ броней. Отсюда малое сравнительно количество «чеховскаго матеріала». При немъ не было «делегатовъ отъ народа», вродѣ Тенеромо и Сергѣенко, еще при жизни Толстого регулярно обходившихъ московскія и петербургскія редакціи съ чемоданами, набитыми матеріаломъ о Толстомъ.

Я не собираюсь дѣлиться здѣсь моими воспоминаніями о Чеховѣ, хотя судьба и была ко мнѣ такъ благосклонна, что послала мнѣ двѣ встрѣчи съ нимъ. Я хочу вспомнить сегодня только двѣ сцены, героемъ которыхъ былъ Чеховъ: одной — живой, другой — мертвый. Между обѣими этими сценами есть связь. Ибо въ той,

въ которой Чеховъ фигурировалъ еще живой, надъ нимъ вѣяло уже дыханіе смерти.

Это была премьера «Вишневаго сада» въ Московскомъ Художественномъ театрѣ, когда Чеховъ, больной и слабый, не могъ отпарировать совмѣстнаго давленія на него актеровъ и публики и неохотно появился (въ антрактѣ послѣ третьяго, кажется, акта) на сценѣ. Ему подали стулъ, что въ такихъ случаяхъ вообще не принято, и онъ сѣлъ. И наступила въ переполненномъ избранной публикой театрѣ минута, когда всѣ вдругъ, кромѣ развѣ слѣпыхъ, поняли, что они не привѣтствуютъ любимаго писателя, а прощаются съ нимъ, что это не первое, а послѣднее, прощальное свиданіе.

Рядомъ со мною сидѣлъ извѣстный всей Москвѣ врачъ Н. Н. Баженовъ. Я случайно посмотрѣлъ на него. Онъ плакалъ. «Онъ года не проживетъ, — сказалъ Баженовъ, уловивъ мой взглядъ. — Ему въ санаторій надо, а его втянули въ актерскую компанію. Они его вгоняютъ въ гробъ».

Все это чествованіе длилось, можетъ быть, полторы минуты, но многимъ въ театрѣ оно показалось вѣчною...

Баженовъ оказался пророкомъ. Скоро Чехова не стало.

Вся Москва собралась на вокзалѣ, чтобы встрѣтить гробъ Чехова и проводить его на кладбище. Была сутолока и неурядица. Полиція, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, не предвидѣла такого необычнаго скопленія публики. Время было тревожное. Учащаяся молодежь вышла на улицу въ полномъ составѣ. Московскимъ властямъ это не нравилось. Опасались нарушенія порядка, манифестаціи.

Настроеніе было свинцовое, несмотря на чудный мягкій сіяющій день. Предчувствіе катастрофы, которая и не замедлила разразиться... Сознаніе величайшей утраты... Вѣдь Чехова не только цѣнили, какъ дофина русской литературы. Его любили, и нѣжно любили. Если Пушкинъ былъ первой любовью Россіи, то Чеховъ,

ВЪ РОССІИ

«ХОДОКИ» ВЪ СОВѢТСКОЙ КУРЬЕРСКОЙ

Типичная сценка въ совѣтскомъ учрежденіи. Пришедшіе за сотни верстъ въ Москву, «ходоки» терпѣливо ждутъ въ курьерской пріема у «завовъ», «замовъ», «предовъ» и прочихъ совѣтскихъ начальниковъ.

былъ, навѣрно, второй. Все содѣйствовало возникновенію этой любви: «Отцѣпили!» — пронеслось по воздуху позднее признаніе, его болѣзнь, бужденной толпѣ. «Зацѣмъ? Кто по его чистый благородный обликъ, его смѣлъ?»

Толпа ждала. Поѣздъ опаздывалъ. Никто ничего не зналъ: ни почему опоздалъ поѣздъ, ни когда онъ, наконецъ, придетъ. Ждали, конечно, на пассажирской платформѣ. Вдругъ распространилась вѣсть: вагонъ съ тѣломъ Чехова будетъ посланъ на товарную станцію. Ринулись на неприглядную товарную станцію. Наконецъ, показался поѣздъ.

Поѣздъ подходилъ медленно, медленно, ибо и самыя рельсы были запружены народомъ. Гдѣ же траурный вагонъ? Никакого траурнаго вагона

не было видно. Что же это такое? «Отцѣпили!» — пронеслось по воздуху позднее признаніе, его болѣзнь, бужденной толпѣ. «Зацѣмъ? Кто по его чистый благородный обликъ, его смѣлъ?»

Но траурнаго вагона не отцѣпили. Когда поѣздъ остановился, наконецъ, у деревяннаго перрона, мы увидѣли обыкновенный товарный вагонъ, на стѣнкахъ котораго было крупными буквами выведено:

«Вагонъ для перевозки устрицъ». Это и былъ «траурный» вагонъ, въ которомъ прибыли на родину, для вѣчнаго упокоенія, останки великаго русскаго писателя.

Вагонъ для перевозки устрицъ... Вся русская дичь, вся русская чушь, вся великая російская неразбериха воплотилась въ этомъ нелѣпомъ вагонѣ.

Нуженъ былъ Чеховъ, чтобы описать этотъ траурный вагонъ. Но Чеховъ самъ, мертвый, лежалъ въ немъ, въ гробу, на бѣдныхъ, едва прикрытыхъ немногими цвѣтами подмосткахъ.

Влад. Азовъ.

